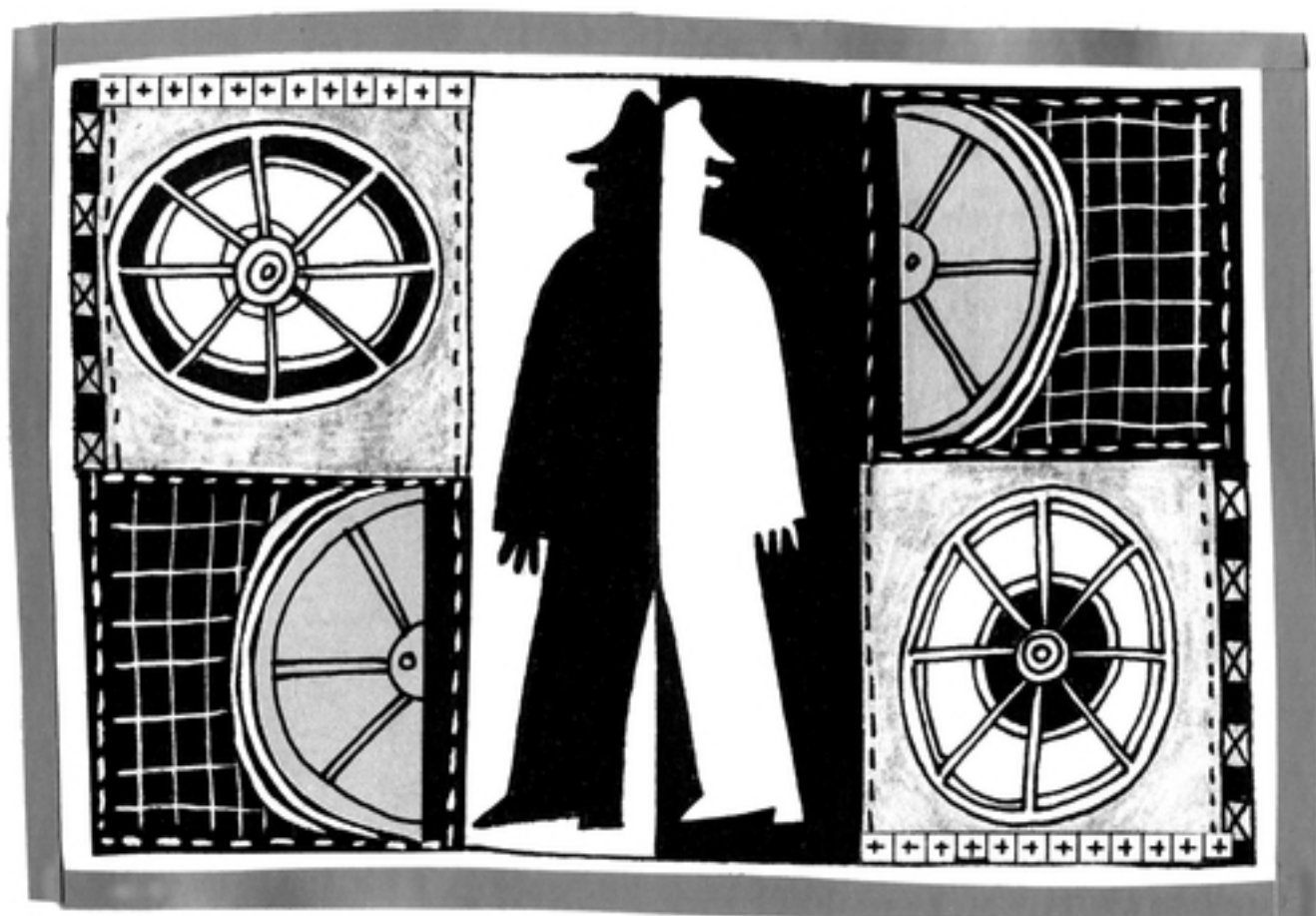

Владимир Дэс

Иван Фёдорович

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс
Иван Федорович (сборник)

«Автор»

Дэс В.

Иван Федорович (сборник) / В. Дэс — «Автор»,

«Осень. Дождливая погода. Все вокруг липкое, скользкое и тоскливое. По центральной аллее кладбища неспешно шел мужчина лет пятидесяти в дорогом осеннем пальто, темно-коричневой шляпе, бежевом шарфе и очень дорогих ботинках. Правой рукой, одетой в тонкой, лайковой перчатке он держал над головой большой черный зонт. За ним семенил хитроглазый сторож...» В данный сборник вошли рассказы: 1. Иван Фёдорович 2. Волки 3. Горгаз 4. Алекс 5. Женщина на сцене 6. Генерал 7. Двухметровое упрямство 8. Завод 9. Квадрат Малевича 10. Коллеги 11. Один день 12. Отвезу в Прованс 13. Урок истории на дому 14. Услуги на дому

© Дэс В.

© Автор

Содержание

Иван Федорович	6
Волки	12
Горгаз	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Дэс Иван Федорович (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Иван Федорович

Осень.

Дождливая погода.

Все вокруг липкое, скользкое и тоскливое.

По центральной аллее кладбища неспешно шел мужчина лет пятидесяти в дорогом осеннем пальто, темно-коричневой шляпе, бежевом шарфе и очень дорогих ботинках. Правой рукой, одетой в тонкой, лайковой перчатке он держал над головой большой черный зонт.

За ним семенил хитроглазый сторож.

В своей брезентовой накидке, кирзовых сапогах, с неопрятной бородой, он казался старше мужчины под зонтом, хотя на самом деле был много моложе его.

Старили его и одежда, и холопское желание казаться немогущее тех, кто платит деньги за покой усопших.

Они подошли к тому месту, где асфальтовая дорожка, резко обрывалась.

Впереди была хаотичная поросль, не вырубленный кустарник, кучи мусора. Мужчина с зонтом внимательно осмотрел все это и, не оборачиваясь, спросил спутника:

– Ну, и что дальше?

– А дальше будем искать, Иван Федорович, – засуетился кладбищенский страж и наглядности ради ступил своими кирзовыми сапогами в эту жидкую грязь.

– Где-то там должна быть, – махнул он рукой в сторону поросли и с хитрецей, выжидательно посмотрел на сверкающие ботинки Ивана Федоровича.

– Значит, говоришь, будем искать?

– Да, – с готовностью ответил сторож в полной уверенности, что этот важный господин ничего искать на этой помойке не будет, ну, на край поручит ему, кладбищенской букашке.

– А ты уверен, что найдем? – по-прежнему не глядя на сторожа, спросил Иван Федорович.

– Конечно, – все с тем же ехидным огоньком в глазах, заверил тот.

– Ну, пойдем, раз ты так уверен.

Иван Федорович, не замечая грязи, не жалея дорогих ботинок и шикарных итальянских брюк, шагнул с дорожки.

Сторож опешил, но когда Иван Федорович обошел его, засуетился, хитреца с лица сошла. Он быстренько обогнал Ивана Федоровича и стал протаптывать тропу, каким-то чудом ориентируясь среди старых крестов, насквозь ржавых памятников, упавших деревьев и мокрых кустов. Несколько раз оглянувшись на Ивана Федоровича, он понял, что дело тут серьезное.

Наконец он подошел к едва заметной палке, обтоптал ее кругом, нагнулся к жестянке с номером, обтер ее, и обернувшись к Ивану Федоровичу, сказал, уже опять придуриваясь:

– Туточки она. Номер три тыщи пятьсот сорок пятый.

Иван Федорович подошел, наклонился, высоко подняв зонт, тоже потер номер и спросил:

– Точно она?

– Не сомневайтесь, Иван Федорович, точно она. Если сомневаетесь, пройдемте в контору, там по архиву проверим.

Чувствовалось, что сторожу все это уже надоело: озорство пропало, огоньки в глазах потухли. Он демонстративно отирал мокрое лицо и выразительно поглядывал на зонтик Ивана Федоровича. Иван Федорович еще раз, не обращая никакого внимания на манипуляции сторожа, всмотрелся вокруг, еще раз протер номер на колышке, глубоко вздохнул и сказал:

– Ну что ж, пойдем проверим по твоему архиву. – И повернувшись неуклюже, пошел к асфальтовой дорожке.

В убогом домике конторы Иван Федорович достал очки в золотой оправе, и осмотрел со всех сторон потрепанную амбарную книгу и отыскав номер 3545, прочитал вслух:

– Анастасия Никифоровна Птицына... Год рождения... год смерти. – Прочитал еще раз, подумал о чем-то и бормотнул под нос: – Да это точно она.

Он закрыл книгу, достал пухлый бумажник крокодиловой кожи, вынул толстую пачку купюр и подал сторожу.

– Сделайте все, как положено: оградку аккуратненькую, памятник с крестиком. Могилку приберите, расчистите вокруг, а я приеду недели через три. – И уже у двери, не оборачиваясь, добавил: – Скамеечку поставьте, а фотографию ее я пришлю с моим водителем. Сделайте на керамике, чтобы надолго...

Он не договорил, что именно «надолго». Открыл зонт и вышел, сел в дорожную черную машину и уехал.

Сторож долго стоял у открытой двери и смотрел вслед, насмотревшись, повернулся к облезлой собаке на цепи и рассказал ей, что она, покойница, этому Ивану Федоровичу в матери годится, но похоже, не мать. Так кто же тогда? Непонятно. Да чудные дела творятся. Собака гавкнула в ответ, тряхнула ржавой цепью и завиляла хвостом.

Иван Федорович сидел на заднем сиденье «мерседеса». Когда машина плавно выехала за ворота кладбища, помолчав какое-то время, он сказал водителю:

– Толик, когда приедем, напомни мне, чтобы я дал тебе фото. Отвези этому сторожу и предупреди, что через три недели приеду.

– Хорошо. – Толик кивнул.

Дорога шла по безлюдной местности. Встречные машины, попадались редко, моросил осенний холодный дождик, но в машине было тепло и сухо.

Толя вел машину ровно, не гнал.

Иван Федорович, казалось, дремал. Но нет, он только глаза прикрыл и вспоминал.

Тетя Настя. Его первая любовь, первая женщина. Когда это было? Кажется, лет сто назад. Сейчас Ивану Федоровичу пятьдесят шесть, а тогда было, наверное, тринадцать. А ей за тридцать уже, да, за тридцать... и тоже была осень, только ранняя. И солнечная, сухая.

Но история его влюбленности началась не той осенью, а полугодом раньше, весной. Он, тогда еще школьник, в каникулы приехал к дяде на денек. Квартира была коммунальная, у дяди с тетей Настей одна комната. Покормив Ваню, дядя и тетя Настя ушли под самый вечер к кому-то из соседей в гости, а он остался смотреть телевизор с малюсеньким экраном через огромную пузатую линзу. Собственно, из-за этого телевизора, которые были в ту пору большой редкостью, он и приехал в гости к дяде. И ночевать у него остался тоже из-за телевизора. Но передачи кончились, экран потух.

Дяди все не было, и он лег на диван, который стоял, как раз напротив кровати взрослых. Его вскоре сморило, и он уснул.

А ночью проснулся из-за какой-то возни и шепота. И сразу понял, что происходит нечто весьма интересное.

Осторожно приоткрыл глаза, и ему предстала картина, какой и в кино не увидишь.

В комнате сильно пахло вином. Дядя, похоже, был сильно пьян, потому что он лежал на тете Насте и пытался что-то сделать.

Тетя Настя – в полуспущенной сорочке, с обнаженной грудью, и голой ногой, свисавшей с кровати, – отрешенно смотрела в потолок и, казалось, не обращала никакого внимания на мычание и дерганье дяди, только поддерживала его, чтобы он с нее не свалился.

Он впервые в жизни увидел, то чем тайно занимаются взрослые, от чего бывают дети. Сердце его застучало, а ноги похолодели. И было ужасно стыдно. Раньше когда Ваня думал

об этих взрослых делах, он никак не мог представить, как же они после этого смотрят в глаза друг другу. Ведь это же все-таки стыдно. А тут все это происходило не в детском воображении, на глазах. Вдруг эти самые глаза встретились с взглядом тети Насти. От такой неожиданности Ваня испугался и даже икнул.

Тетя Настя тут же одернула сорочку и, сказав: «Ну, хватит», спихнула с себя дядю к стене, который, кажется, этого не заметил, потому что тут же захрапел. А тетя Настя подтолкнула его еще ближе к стене и спустилась с кровати.

Ваня моментально зажмурился.

Услышал, как она подошла к нему. Почувствовал, как она наклонилась к нему, ощутил ее ладонь, которая погладила его по голове и скорее услышал, чем почувствовал поцелуй в макушку. В голове у него завертелось, закружилось, пальцы задрожали. Он почувствовал: вот еще мгновение и он откроет глаза, и вцепится в эту сказочно красивую женщину. Но не успел.

Одно мгновение – и тетя Настя вернулась на кровать, потом легла, накрылась одеялом и, очевидно, уснула. А он тогда так и не заснул.

Утром ему было необычайно стыдно. У него сильно болела голова, и он не осмеливался смотреть в глаза ни дяде, ни тете. Правда, им было не до него. Дядя выклянчивал у тети Насти рубль на опохмелку, то прося, то угрожая, а тетя Настя молча расчесывала у трельяжа свои роскошные волосы.

Ваня, понимая, что он лишний при этом утреннем торге, быстро собрался и уехал к себе домой.

На прощанье тетя Настя опять поцеловала его в макушку и прижала к себе. Он снова чуть не задохнулся, но после ее объятий ему все же стало легче: даже перестала болеть голова и настроение поднялось.

А через полгода, в *ту* осень, в ту самую счастливую его осень, все многочисленные родственники – дядюшки, тетушки, племянники, сестры, братья двоюродные и троюродные – приехали к бабушке копать картошку.

Участок под картошкой был огромен. Все вместе и собрались для того, чтобы выкопать ее в один день.

Картошку копали весело, и почему-то он оказался тогда рядом с тетей Настей. Она копала, а он вытряхивал клубни из земли.

Ему казалось, что она улыбалась ему, и только ему. Казалось, все время посматривала только на него, а не на своего мужа, как всегда похмельного и мрачного.

Закончили уже ближе к вечеру. Набили мешки и погрузили в машину.

Сели ужинать, с водкой, конечно, и даже водители пили водку, разбалтывая в ней куриные яйца. Потом спать.

Кто где.

Коек не хватило и кое-кому постелили на полу.

Родители Вани ушли на другой край деревни, навестить знакомых. Остальные стали укладываться.

Ване показалось, что тетя Настя несколько раз со значением взглянула на него. Когда она уложила на полу уже довольно пьяного дядю и сама легла рядом, около нее оказалось свободное место.

Ваня, перешагнув через лежащих, быстро ткнулся туда. Тут погасили свет.

Лежали плотно. Ваня, почувствовав тугое бедро тети Насти, задрожал всем телом.

Она повернулась к нему и спросила:

– Что, холодно?

– Да, – стуча зубами, ответил он.

Она придвинула его к себе, накрыла каким-то большим грубым платком и прошептала: «Сейчас согреешься».

Он судорожно прижался к ней и сразу же перестал дрожать.

По всему его телу разлилась такая истома, какой он не испытывал никогда.

Тетя Настя повернулась на спину, подложив руку за голову, другой рукой она расстегнула кофточку на груди и, кажется, заснула.

А Ваня, прижавшись к ее боку, млел. Наконец ему надоело это странное состояние, да и руки-ноги затекли. Он пошевелился, но тетя Настя не реагировала. В комнате было непроглядно темно, все громко храпели. Но для Вани весь мир перестал существовать.

Остались только двое – он и тетя Настя.

Надо было на что-то решаться. И он решился: мертвенно холодной левой рукой полез к тете Насте за пазуху.

Его ладонь, проскользнув под расстегнутую блузку, легла на шелковый бюстгальтер. Тетя не шелохнулась, ее дыхание оставалось ровным и спокойным. Тогда его рука скользнула еще дальше – под бюстгальтер.

В этот момент тетя Настя шевельнулась и его ладошка нырнула в глубь шелкового купола и пальцы оказались прямо на жестком соске.

Под ладонью сразу сделалось жарко. Ваня вмиг вспотел.

Так он пролежал, наверное, вечность. Наконец его рука, освоившись с ощущением женской груди, осмелела и отправилась исследовать другие достоинства тети Насти.

Ваня осторожно снял ладонь с упрямо торчавшего кверху сосочка, выдернул ее из-под шелкового холмика и осторожно двинул вниз по телу женщины.

Иван Федорович уже не помнил, о чем тогда думал. Наверное, ни о чем. Спала тетя Настя или нет, не понимал.

Для него в тот момент она как бы не существовала, для него в это время существовало запретное тело первой его женщины, самой прекрасной и самой желанной.

Он осторожно отжал широкую резинку на юбке, пролез ладонью под мягкие, теплые рейтузы и наконец коснулся нежного и гладкого, как шелк живота. Коснулся и замер.

Подождал немного и двинулся ниже.

А когда пальцы набрали на жесткие курчавые волосы, замер опять.

Дыхание перехватило.

Еще чуть ниже, и в этот момент тетя Настя опять шевельнулась, но уже так, что пальцы, скользнув, утонули в какой-то мягкой ямке.

Ваня, не ожидавший такого успеха, чуть сознание не потерял.

Рука дрогнула, тетя Настя дернула головой, резко сжала ноги и села.

Страх, стыд, испуг пронзили Ваню. Он выдернул руку, вскочил, шагнул куда-то в темноту, споткнулся и полетел в пропасть, задыхаясь от ужаса и стыда, ударился головой обо что-то жесткое и потерял сознание.

Очнулся Ваня от чего-то холодного на голове.

Он открыл глаза. Перед ним в мерцающей полутьме маячило лицо тети Насти. Она из ковша лила ему на голову холодную воду.

– Ну, что, маленький, очнулся? – Она говорила «маленький», а Ване слышалось «миленький».

Он потрогал свой лоб – там набухла изрядная шишка. Огляделся.

Он сидел на лавке около дома, а тетя Настя стояла перед ним на коленях.

– Ну, кажется все в порядке, ничего страшного, – сказала она и дунула ему в нос.

Ваня отвернулся и закрыл лицо руками.

Она немного помолчала, отдала Ване ковш, и сказав: «Ладно, я пойду», – и сделала несколько шагов, повернулась и добавила:

– Ковш-то держи у шишки, тогда все пройдет.

Она наклонилась к какому-то ящику у скамейки, достала оттуда огромное яблоко, сунула его ему в руки.

– Держи на память.

Ваня машинально взял яблоко, а женщина повернулась и ушла в дом.

Ваня откинулся к бревенчатой стене, положил ковш на скамейку, поднес яблоко к самым глазам и стал его рассматривать.

Оно было тяжелым. Он его понюхал – оно пахло *ее* свежестью и *ее* ладонями. Ваня обнял это яблоко пальцами и долго-долго целовал.

Начало светать. Свежий туман расстелился по низине. А он все сидел на лавке. На коленях лежало *ее* яблоко, а в деревне всюю просыпался новый день, тихонько вытесняя самую счастливую ночь в его жизни.

Весь мир пока еще спал, но должен был вот-вот проснуться. Казалось не спал только он один. Счастливый мальчик...

Но вот прокричал петух, замычала корова, звякнула цепь у колодца. Задвигались и в доме. Завтракать он не сел и все ходил со своим яблоком.

Его спрашивали, чего это он вцепился в яблоко, а он никому и ничего не отвечал, только нюхал и гладил яблоко. А вскоре все позавтракали и, быстро собравшись, поехали в город. И только тетя Настя, как ему показалось, несколько раз этак понимающе посмотрела на него и это яблоко, а один раз даже улыбнулась.

Но в город они ехали уже в разных машинах.

А через два месяца умер дядя и тетю Настю его многочисленные родственники дружно вытурили, как сожительницу из комнаты в коммуналке.

И тетя Настя исчезла из его жизни.

Потом до него доходили слухи, будто она еще несколько раз выходила замуж, но детей у нее, так и не было, и после смерти очередного сожителя ее след совсем потерялся. Но никогда не забывал ее Ваня, Иван, Иван Федорович. Он дважды был женат, у него было двое детей, да и любовниц всегда хватало. Но ему всегда хотелось увидеть ее, погладить ее руку, почувствовать ее запах.

Войдя в силу, Иван Федорович пытался ее разыскать, но безуспешно. Помог случай. Встретил друга детства, а тот, оказывается, знал тетю Настю. В последнее время она жила одна, сильно болела и умерла одна. Поскольку никаких родственников у нее не нашлось, и доживала она свои дни на какой-то случайной жилплощади, ее и хоронить-то было некому. Похоронил собес на каком-то дальнем кладбище, в квартале для бездомных.

– Эх, судьба, судьба... – пробормотал Иван Федорович и громко вздохнул.

Водитель оглянулся, думая, хозяин обращается к нему.

Иван Федорович махнул рукой:

– Нет, Толя, это я сам с собой разговариваю...

Вот тогда-то, после этого известия, Иван Федорович и поехал по кладбищам. На душе у него было тяжело и мутно. Боялся, что не найдет могилу тети Насти. Ан нет. Нашел таки.

Через три недели он снова приехал на кладбище.

Не заходя в контору к сторожу, он по подмерзлой уже тропинке прошел к могиле тети Насти.

Ее было не узнать: свежая оградка, аккуратный памятник, скамеечка, столик, а самое главное – великолепное фото красивой молодой женщины.

С собой Иван Федорович Иван принес бумажный пакет.

Он присел на скамейку, открыл пакет. Там лежали зеленые яблоки, крупные и крепкие, прижавшись друг к другу.

Иван Федорович достал из пакета одно. Покрутил его, понюхал, положил на столик, а остальные рассыпал по ровному могильному холмику.

Яблоки раскатились по едва заметным ямкам. И казались такими живыми и естественными в этом мире умерших, что Иван Федорович застыл, не в силах оторвать от них взгляд.

Солнце пробилось сквозь тучу, брызнуло лучиком на памятник и фото засияло. Иван Федорович поднял взгляд – на него смотрела, улыбаясь, как много-много лет назад, тетя Настя. Единственная женщина, которая тревожила его душу всю жизнь.

Волки

Весна.

На косогорах печет.

Но в лесу, в его сонной, глухой чащобе, весна еще слабо чувствуется. Разве, что птицы, стали шумливей.

Молодая волчица проснулась.

Послушала лес, еще не шевелясь и не открывая глаз.

Потом вытащила морду из-под лапы и огляделась. Глубоко втянула в свои молодые, сильные легкие колючий холодный воздух.

Лизнула свой живот.

Нежно и ласково.

В животе что-то происходило, и это было ей приятно.

Волчица тяжело поднялась.

Встала нетвердо, перебирая лапами.

В животе зашевелились, закувыркались какие-то комочки, ей пока непонятные.

Весна.

Ее третья весна.

Она медленно обошла кругом свою лежку. Понюхала воздух у самого снежного наста.

Никого.

Волчица осторожно подняла морду вверх.

На вечернем небе слабо перемигивались маленькие бледные звездочки.

Она нашла ту, которая почему-то нравилась ей больше других, и замерла, глядя на нее.

Эта маленькая звездочка посередине темно-синего неба напоминала о ее самце, о том времени, когда они вдвоем, прижавшись боками друг к другу, смотрели в это красивое и чистое пространство над ними.

От этих воспоминаний она вздрогнула всем телом и завывала протяжно и жалобно на мерцающий огонек далеко в небе.

В ответ в ее животе опять зашевелились беспокойные комочки.

Она чувствовала: то необычное, что происходит у нее в животе, прямо связано с ее самцом и с их играми в морозные, вьюжные дни два месяца назад.

Как она была счастлива в те дни!

Он, большой и сильный, с жесткими грубыми волосами и симпатичной темной тенью по хребту, почему-то выбрал ее, совсем еще молодую волчицу, глупую и вертлявую. Но он ее приструнил и многому научил. Быстрый и отважный на охоте, с нею он всегда был ласковым и осторожным.

Он был...

Осознав это, она засуетилась и, сделав еще несколько небольших, медленных кругов, остановилась и, задрав морду, завывала, теперь очень тихо и тоскливо:

– У-у... у-у... у-у...

От напряжения она закашлялась и замолчала. Но все же прислушалась, замерев в напряжении. Даже в животе прекратилась беспокойная кутерьма.

Может, отзовется?

Но кроме вечерних разговоров пробуждающихся деревьев ничего не было слышно.

Она еще раз потерянно обошла свою дневную лежку.

На подтаявшем снегу была кровь. Ее кровь. Она понюхала ее.

Потопталась зачем-то на месте и прилегла.

Но тут же резко вскочила.

Ей почудился Его запах.

И она как сумасшедшая бросилась на этот запах, ломая ветки низких кустов.

Запах становился все сильнее.

Вот-вот, за тем деревом...

Но Его там не было, была только Его старая метка. Волчица обнюхала ее и, помыкавшись из стороны в сторону, улеглась рядом.

Силы уходили.

Быстро темнело.

Она помнила, как пять дней назад они вместе вышли на охоту. Шли как раз мимо этого места. И Он остановился, пометил его. Потом они миновали лесничество.

Лесник как раз вернулся после обхода своих владений. Он снимал лыжи у крыльца своего жилища.

Они полежали рядом, посмотрели на этого человека.

Был он какой-то странный. Не такой, как все прочие люди. Те почему-то все время пытались их убить. И не только их. Люди, похоже, вообще не любят природу. Хотя Волки без крайней нужды никогда ничего плохого людям не делали. Так же, как и люди, они всего лишь добывают себе еду в этом мире.

Волкам ведь тоже надо есть, раз уж они существуют.

А этот человек был другим.

И тогда он наверняка заметил их. Или почувствовал взгляды волчьей пары. Он долго и пристально смотрел в их сторону, прежде чем вошел в свой дом.

Она испугалась этого взгляда и инстинктивно вся напряглась, но ее друг остался спокоен.

Потом он объяснил ей, что доверяет этому человеку.

Когда дверь за лесником закрылась, они встали и потрусили дальше, искать еду.

А еды им надо было много. Он в последнее время заставлял ее есть впрок, то и дело намекая, что скоро их будет больше, чем двое.

Она и сама знала, что по весне у волков появляются маленькие волчата. И она тоже когда-то так же появилась. Но то, что она будет как-то причастна к этому, вначале забавляло ее, а со временем начало и озадачивать.

А когда живот округлился, она поняла, что эта весна будет для нее не совсем обычной. И есть ей хотелось куда сильнее, чем всегда.

Вот и в тот вечер ее Волк вел ее к деревне, чтобы накормить досыта.

Охотиться на лосей им стало тяжело из-за ее беременности. Один он не мог, даже если догонял лося, загрызть его, а она уставала от долгого бега и была плохой помощницей, У нее сильно потели лапы и нос.

Поэтому на сей раз они пошли в деревню.

Они уже две ночи наблюдали за овчарней и поняли, что через крышу легко попасть внутрь. А Он ловко умел душить овец и мог дотащить в зубах до логова не только ягненка, но даже взрослого кабана.

Они спрятались с подветренной стороны и стали ждать.

Вскоре деревня стала успокаиваться.

Захлопали двери. Кто-то еще пошатался по улице, горланя песни, и наконец все вокруг стихло.

Они осторожно подкрались к овчарне.

Запрыгнули на крышу. На одном углу шифер был с трещинами. Они вдвоем начали его ломать зубами и лапами. Овцы внизу замечались – почуяли волков. Наконец лаз был готов.

Он прыгнул вниз.

И тут грохнул гром и пыхнуло тем самым противным запахом, который почти всегда означал верную смерть.

В следующую секунду что-то больно ударило в шею, и ее опрокинуло, и она кубарем скатилась с крыши.

Тут же бешено залаяли собаки.

Она от страха забыла обо всем и что было мочи рванула в лес.

Только там было спасение. По крайней мере могло быть.

Собаки пошли следом.

Надо было поскорее добежать до леса. По лаю она поняла, что собаки дворовые, а не охотничьи, значит, на опушке останут. Они трусливы, и, если бы не переполох, начавшийся в деревне, и не кровоточащая рана на шее, она бы передушила их, как зайцев.

От собак она ушла.

И потом кружила по лесу до тех пор, пока не подсохла рана на шее. Немало набегавшись по лесным тропам, она утоптала снег и устроила себе, наконец, лежанку.

Рана все же еще кровоточила. В шее, внутри, что-то сидело и мешало.

Она не знала, что ей делать дальше.

Самца ее, сильного и умного, люди убили, это она понимала.

Злобы на них у нее не было – они ведь защищали свою еду. Просто на этот раз они оказались хитрее волков. Люди устроили засаду – и они, волки, тоже делали засады, охотясь на кабанов.

Она долго лежала около метки своего самца и даже, кажется, опять задремала.

Но это была не дрема, а слабость от потери крови.

Слабость от голода.

Слабость от тоски и горя.

А слабость для волков – смерть.

Но вот внутри, в животе, толчки стали сильнее, настойчивее.

Она опять вскочила и закружилась на месте, не зная, что ей делать. Хотелось просто лечь и закрыть глаза, уснуть. Но как же быть с теми, кто так настойчиво толкаются внутри?

Их она должна спасти. Спасти во чтобы то не стало. Нутром она чуяла, что скоро умрет, что на тонкой грани между жизнью и смертью ее удерживают только еще не народившиеся щенки.

И тут она как наяву увидела перед собой крыльцо и человека-лесника, которого не боялся и уважал ее Волк.

Наконец, решившись, она побежала к жилищу лесника.

Только на минуту остановилась и посмотрела на то место, где была метка того, с кем ей совсем недавно было так легко и просто в этом лесу, а потом, низко опустив морду, затрусилась прочь.

Когда волчица подошла к дому лесника, собаки ее почуяли, и залаяли, и забесились.

Но они были на цепи, и она не обратила на них особого внимания.

Она подошла к крыльцу, поднялась на него и легла у двери.

Лесник открыл дверь, держа в руке ружье, но она, даже не испугавшись этого страшного предмета, проползла в дом мимо его ног и тут же оценилась.

Щенков было пятеро.

Под взглядом изумленного лесника она из последних сил, как могла, облизала их, беспомощных и еще слепых, подняла морду и посмотрела этому человеку прямо в глаза.

В них она увидела настороженность, удивление, но не участие к ней и ее щенкам.

Она оглядела пять бурых, шевелящихся у ее брюха комочков.

Один был темнее остальных.

«Как Он», – подумалось ей. Она накрыла этого пищащего и дрожащего приплодыша лапой, поглядела последний раз в глаза человеку, отвернулась и умерла.

Поутру лесник пошел к реке – утопить еще слепых, но уже страшно голодных волчат. Но в последний момент, вспомнив прощальный взгляд волчицы, передумал и, уже утопив четверых, одного сунул за пазуху.

Того самого темно-бурого, которого мать накрыла лапой.

Дома он его вымыл, обтер и обвалял в собачей подстилке. А потом подсунил своей овчарке, оценившей его две недели назад.

Та удивленно обнюхала волчонка. Покатала лапой, поглядела на лесника и, увидев, что Хозяин спокоен, допустила до своих сосков.

И хотя ее родные щенки уже прозрели, а волчонок был еще слепой, свое место у сосков он отвоевывал на равных.

Первые, месяцы он походил на собачьих щенков, но со временем, сменив темно-бурый мех на жесткий серо-охристый, стал отличаться от своих молочных братьев.

И хотя, не получая волчьей, родительской, полупереваренной пищи, волчонок рос слабее своих диких собратьев, он очень рано стал разнообразить свой рацион ловлей мышей и тараканов, чем очень удивлял тех, кто не знал, что он волк.

К осени он уже покрылся высоким зимним мехом, и на месте мягких молочных зубов, появились бритвенно острые, ослепительно-белые молодые резцы.

Через год лесник понял, что щенок, хоть и вскормленный собакой, все же стал настоящим волком.

И хотя человек искренне привязался к нему, обстоятельства жизни вынудили его расстаться со своим вскормышем.

Подходила к концу его служба в лесничестве.

Он был уже стар, часто болел.

Пора было перебираться к людям.

Он уволился со своей единственной в жизни работы, снял с книжки свои сбережения и купил дом в деревне неподалеку.

Покидая навсегда лесничество, он решил отпустить в лес и своего волка.

Хотя понимал, что сделать это будет трудно, но он выбрал момент, когда у волков наступила пора спаривания.

Когда молодые и сильные волки добывают себе порой в кровавых и жестоких схватках со своими сородичами подруг для создания своей собственной семьи.

Подкараулив время, когда волчицы словно магнитом притягивают к себе самцов, он вывел своего волка на тропу стаи, за которой давно уже наблюдал и знал, что там есть лишние самки.

Его глупыш поначалу не понимал, почему хозяин гонит его куда-то, обиженный, отбегал в сторону, но, разнюхав наконец зовущий сладкий запах пока еще незнакомой подружки, забыв о непонятно почему сердящемся хозяине, закружил на месте, жадно и часто обнюхивая следы стаи, и вдруг, не прощаясь, прыжками помчался следом за недавно прошедшими сородичами.

Прошло четыре года.

Волков в округе становилось все больше и больше. Зато остальная живность убывала. Стали редки лоси и кабаны.

Новый лесник оказался обыкновенным пьянчужкой, а когда-то прекрасное лесничество превратилось в место пьяных помывок в баньке и бестолковой стрельбы по пустым бутылкам.

Но волки, прежде беспокоившие людей крайне редко и только по крайней нужде, стали все чаще и чаще резать домашний скот.

Долго так продолжаться не могло. И в один из августовских дней, после долгого и зловещего ночного волчьего концерта, от которого кровь стыла в жилах и не могли спать даже самые храбрые, людское терпение лопнуло.

Собрались со всей деревни все, кто имел отношение к охоте, и, кроя вечно пьяного нового лесника последними словами, с грехом пополам пришли к общему согласию: устроить облаву.

Наняли в городе опытного охотника-волчатника. Тот расспросил жителей и определил где, примерно, обитает волчья семья, поваял в стекло семилинейной лампы. Хором отозвались волчата, потом завыла обманувшаяся волчица, и стало ясно: логово здесь.

Через сутки все приготовления к облаве были закончены.

Городской волчатник определил участок оклада. Расставили стрелков, загонщиков. Протянули веревки с флажками.

Рано утром начали облаву. Сразу убили несколько молодых волков. Но, развешивая флажки, немного просчитались, оставили небольшой разрыв. Но он получился в сторону деревни и не особо беспокоил охотников.

Вот в него-то и проскочили двое – матерый волк и прибылая волчица. Но они почему-то понеслись рысью не в сторону заливного луга, а к деревне, словно искали там спасения.

А в деревне народ собрался толпой у дома старого лесника. Некоторые, наиболее говорливые, пришли даже с ружьями. Вспоминали старые охоты, бывлые трофеи. Вспоминали и хорошее, и плохое.

Вдруг с околицы к лесу раздались крики: «Волки, волки!»

Все встрепнулись.

Старый лесник сходил в избу, взял ружье.

Прямо по середине улицы к дому лесника мчались два волка. Перед самой избой они резко остановились и сели, беспокойно оглядываясь на лес.

Потом один, матерый, лег и пополз, подвывая, к дому лесника.

Второй волк, очевидно, его волчица, не поняв своего жоака, отбежала к колодцу.

И тут же парень, стоявший у колодца, вскинул свою берданку и почти в упор выстрелил в волчицу. Та подпрыгнула от заряда картечи и рухнула замертво, уронив голову в пыль.

Волк, еще секунду назад распластаный по земле, молнией метнулся к стрелку и, сбив его с ног, прижал к земле, лязгая клыками у самого его лица.

Зверь!

От ужаса стрелок обмяк, обмочился и сомлел.

Глаза его закатились куда-то под лоб.

Волк, вздрагивающий всем мощным своим телом, понял, что человек под ним уже ничего не чувствует, убрал передние лапы с того, кто убил его волчицу, развернулся к людям, стоящим вокруг лесника, очерил страшную пасть и заворчал глухо и страшно.

Все оцепенели, боясь пошевелиться.

А волк, пятясь от людей, подошел к своей волчице.

Потрогал ее лапой.

Потеря своим носом об ее нос.

Понюхал кровь, собравшуюся паровой лужицей под ее головой.

Потом фыркнул и пошел устало по улице прочь из деревни и от леса.

Люди опомнились, но от страха никто не мог поднять ружья, лишь старый лесник вскинул свою двухстволку, но и только, хотя все вокруг шептали ему: «Стреляй, стреляй!»

А волк уходил.

Уходил не спеша, то и дело разевая пасть.

И когда лесник уже напряг левую руку, державшую цевье ружья, а затем осторожно ослабил ладонь правой руки под курком и поймал волка на мушку, тот вдруг остановился и резко обернулся.

Все враз застыли.

Волк смотрел человеку прямо в глаза.

Старый лесник вздрогнул.

Память его воскресила точно такой же, один в один, взгляд молодой волчицы, оценившейся у него в снях.

Это был ее взгляд, лесник узнал его.

Узнал и волчонка, вскормленного в своем доме.

Вот, значит, почему он прибежал из леса в деревню и привел с собой свою волчицу – искал защиты для себя и для нее.

Искал защиты в его доме.

А нашел заряд картечи в голову своей подруги.

И сейчас он смотрел в глаза лесника, упрекая за непонятную для волков пустую и ничемную человеческую жестокость.

Лесник медленно опустил ружье.

Глаза у волка заслезались.

Он моргнул несколько раз, отвернулся от людей, низко опустил к земле лобастую голову и мелкой рысцой засеменял из деревни.

Больше о волках вблизи этой деревни никто никогда не слышал.

Старый лесник после этой памятной облавы прожил всего несколько месяцев – заболел окончательно и вскоре умер.

Новый лесник допился до чертиков и удавился в лесной избушке.

Зверь в лесничестве повывелся, а если и был, то какой-то больной и вялый.

Потом появились лисы, зараженные чесоткой, и лесничество закрыли окончательно.

Да и деревня захирела. Все больше и больше в ней становилось домов с забитыми крест-накрест окнами.

Остались старики да старухи. Некоторые еще помнят, как уходил по улице матерый волк.

Вот поумирают они – те немногие, кто помнит эту историю, и – все.

Вообще больше не останется никакой истории.

Не только этой...

Горгаз

Посвящается прадеду моего друга Буслева

Быть аспирантом в двадцать четыре года, я вам скажу, весьма неплохо. Если еще вдобавок твой научный руководитель поручает тебе принимать зачеты у студентов, особенно у студенток.

Зачеты зачетами, конечно, но иногда возникает острая необходимость в дополнительных консультациях по зачетным темам. И в этом случае дружба с Эдиком – аспирантом с соседней кафедры – была очень кстати.

У Эдика была однокомнатная квартирка со всеми удобствами, доставшаяся ему по наследству от ныне уже покойной бабушки.

Иногда, пребывая в хорошем расположении духа и при соответствующем материальном поддержании этого хорошего рас положения, Эдик сдавал эту квартирку по часам нам, его приятелям.

Я, подрабатывая и экономя, иногда повышал настроение Эдика своими скромными материальными взносами.

Было одно неудобство: квартира Эдика находилась; недалеко от квартиры моих родителей. Но при соблюдении элементарных правил конспирации и это неудобство легко обходилось стороной и в прямом, и в переносном смысле.

Вот и в тот раз, выкупив у Эдика на два часа ключ от квартиры, я мчался к заветной цели.

Только свидание у меня на этот раз было не совсем обычным: во-первых, среди бела дня; во-вторых, с секретаршей нашего ректора; а в-третьих, я был в нее немного влюблен.

Старше нас, аспирантов, она была не намного, лет на десять, но мы (не только аспиранты, но и профессура) за серьезность звали ее по имени и отчеству Зоей Васильевной.

Как? Каким чудом мне удалось ее уговорить? Сам не понимаю. Темны, ох, темны и зачастую непонятны души зрелых красавиц.

Купив бутылку армянского коньяка, развесных шоколадных конфет и банку сока, я приехал на место.

Открыл дверь Эдикиной квартиры.

Засервировал стол.

И с дрожью в коленках стал ждать звонка в дверь.

Но, не выдержав, подошел к двери и прислушался, не идет ли. У Зои Васильевны времени было мало, она должна была придти на это необычное свидание в обеденный перерыв.

«По времени обед уже начался. Минут десять на дорогу», – прикидывал я.

В подъезде было шумно, в соседские двери кто-то то и дело звонил и с громкими криками «горгаз» требовал открытия дверей. Кто-то из жителей открывал, кто-то нет.

Постепенно этот шумный «горгаз» приближался к двери, за которой стоял робкий и влюбленный я. И по мере его приближения я все дальше и дальше отходил в глубь комнаты, шепча про себя: «Чур-чур, пронеси».

Но громкий бух-бух и требовательный крик заставили меня вздрогнуть и сжаться в комок.

Потом еще звонок: «Длинь-длинь!»

Потом еще стук. Глухой и настойчивый.

– Горгаз! Откройте, я знаю, что в квартире кто-то есть.

«Откуда?» – удивился я про себя, но, напугавшись шума на площадке, подскочил к двери и зашептал:

– Вы понимаете, я не хозяин. Я зашел случайно.

– А я – Горгаз. Мне надо проверить газовую колонку в этой квартире. Поэтому мне все равно – случайно или не случайно – я не уйду, пока не проверю колонку. А вдруг она неисправна и взорвется? Мне что, из-за вас в тюрьму садиться?

– Садиться, конечно, не надо, но я вам не открою.

– Не откроете? А я сейчас вызову милицию. Может, вы никакой не знакомый, а просто жулик.

– Я – жулик? – от возмущения я чуть не задохнулся. – Ну тогда тем более не открою.

– Ах, не откроешь?

И тут же раздался такой грохот в дверь, что, наверное, все соседи повыскакивали из своих квартир.

Не мне вам говорить, что огласка была, конечно же, не в моих интересах.

«Что делать? – лихорадочно соображал я. – Вот-вот придет Зоя Васильевна, и этот сумасшедший «горгаз» своим шумом вспугнет ее. Лучше впусти. Может, быстренько проверит – и все. Или три рубля дам».

И я открыл дверь.

За дверью стояла мощная женщина выше меня на целую голову, лет тридцати, в черном комбинезоне, синем берете и с чемоданчиком в руке. Она иронически глянула на меня, на мой трояк, зажатый в вспотевшей руке, и, легко отодвинув мое тощее тело в сторону, прошла на кухню.

Я прикрыл входную дверь и последовал за ней.

Она, не обращая на меня внимания, запалила газовую колонку и, покрутив туда – сюда ручки регулировки, поцокала языком:

– Да, тяжелый случай. Надо радиатор менять.

– Как менять? Зачем менять?

– Взорваться можете.

– Да я и включать не буду. Мне колонка не нужна.

– Будете, не будете – я не знаю. А если взорветесь, меня посадят. Вы же за меня сидеть в тюрьме не будете? – И она вопросительно посмотрела на меня.

– Не буду.

– Вот видите. Значит, буду менять.

– Когда?

– Сейчас.

– Так зачем сейчас? Замените потом.

– Не имею права. По инструкции при обнаружении неисправности я обязана поменять немедленно.

И она открыла чемодан, достала из него огромный гаечный ключ и начала откручивать что-то там у колонки.

Я закричал и от отчаяния повис на ее руке.

Она отпихнула меня, как хворостину, и, когда я вывалился из кухни, закрыла дверь и начала выламывать радиатор из газовой колонки.

В это время в дверь позвонили.

Я подскочил как ужаленный к двери.

– Кто? – машинально спросил я и, догадываясь, быстро открыл дверь.

Зоя Васильевна тут же прошмыгнула в квартиру со словами:

– А вы еще, проказник, спрашиваете?! Может, ждете еще кого-то?

– Ну что вы, Зоя Васильевна, я не могу никого ждать, кроме вас. Вы же самая прекрасная женщина в мире. Или нет, даже во Вселенной. Или нет... – понес я нервную ахинею.

– Ах-ах, – сказала Зоя Васильевна и хотела снять шляпку, но сильный грохот, а затем и громкие ругательства, раздавшиеся из кухни, резко сменили ее намерения.

– Кто там? – испуганно спросила она.

– Горгаз пришел, – честно ответил я.

– Зачем? – тут же спросила Зоя Васильевна.

– Газовую колонку чинить. Но я не виноват! Я не знал! – залепетал я.

– Вы так считаете? – уточнила Зоя Васильевна и, поправив так и не снятую шляпку, проскользнула опять мимо меня, только уже в обратную сторону – из квартиры, бросив на ходу: «Хулиган».

Входная дверь с шумом захлопнулась.

– А-а-а! – закричал я и, высоко подняв кулаки, ворвался на кухню.

Там женщина в комбинезоне и надвинутом на глаза берете уже поставила снятый газовый радиатор на стол и, покачивая в одной руке газовым ключом огромных размеров, периодически похлопывала им по грязной ладони другой своей руки.

– Ну, что тебе? – остановил мой полет ее вопрос. – Хочешь помочь, что ли?

Я стоял перед ней с высоко поднятыми руками в узких брюках, желтых носках и оранжевом галстуке. Тощий и бледный, как смерть.

– На, помоги, – и она дала мне в руки какой-то шланг. – Иди, промой его в ванной.

Я окинул взглядом эту огромную женщину и, загрустив, побрел выполнять задание. Открыл воду и присел на край ванны, презрительно бросив шланг на самое ее дно.

Закурил.

«Что теперь делать? Зоя Васильевна мне этого не простит ни как женщина, ни как секретарь ректора института. Вляпался так вляпался... Вряд ли теперь мне когда-нибудь удастся уговорить на свидание такую шикарную женщину. Да и проблемы, наверное, с аспирантурой начнутся».

Так рассуждал я, глядя с тоской на грязный шланг, брошенный мною на дно ванны.

Из задумчивости меня вывел громкий голос:

– Ты что там, уснул? Давай шланг!

Я подал.

– Так ты что, его не вымыл? Эх, горе ни шланга помыть, ни бабу уговорить ты не можешь.

Я вспыхнул:

– Какое вам до этого дело? Может, это моя родственница приходила?

– Ага, мама.

– Знаете что, – устало ответил я, – вы давайте доделывайте свое черное дело да уходите. – И, оглядев ее, добавил: – Можете даже ванну принять.

Я вышел в зал, открыл приготовленную для Зои Васильевны бутылку армянского коньяка, налил целый стакан и выпил. Сел на диван и, жуя конфету, стал рассуждать! «Что, плохо? Да, плохо. Но, наверное, на Зое Васильевне свет клином не сошелся. Да она тоже штучка, сразу раз и убежала. И от кого? От меня!» Коньяк, очевидно, уже плотно дошел до моего серого вещества. Я, встав, оглядел себя в зеркало и подумал: «Красавец. Правда, немного суховат. Зато жилист».

Пока я так красовался на себя в зеркало, в ванной комнате зашумел душ.

Я, забыв о своих огорчениях, сначала даже удивился: кто это там моется? Но вовремя вспомнил – да это же в ванной мой «Горгаз». Умора. Она поняла буквально мое предложение сполоснуться.

И тут меня прострелила новая дьявольская мысль: «А что если мне сделать рокировку: поменять Зою Васильевну на это газовое чудо. Ну и пусть, что повыше и пошире, зато, наверное, помоложе».

И я, подойдя к двери ванной, постучал костяшками пальцев в дверь.

– Красавица, глинтвейн остынет.

Душ затих.

Из-за двери выглянуло симпатичное личико с ямочками на щеках.

– Что остынет?

Я оторопел: откуда эта красавица? Неужели то чудо в берете с чемоданом?

– Глинтвейн... – повторил я оторопело.

– А что это такое? – спросила женщина, выходя из ванной комнаты в халате и вытирая шикарные ярко-рыжие волосы махровым полотенцем.

Я был так ошарашен, что не стал ничего и говорить о предстоящих возмущениях Эдика по поводу эксплуатации его банных принадлежностей.

– Глинтвейн – это вино, только горячее.

– Я не люблю горячее вино, – сказала рыжеволосая женщина и, взяв в руки бутылку армянского коньяка, повертела его из стороны в сторону. – Это же коньяк, а не вино. Я пила такой, – и задумчиво добавила: – Правда, очень давно.

– Так, давай выпьем еще раз, – живо предложил я.

Она посмотрела на Меня долгим взглядом и, поставив бутылку на стол, сказала:

– Давай.

Я разлил, сказал короткий спитч о Золушке, и мы выпили.

А «Золушку» звали Лизой.

– Какое приятное имя, – сказал я и предложил выпить на брудершафт.

Она согласилась.

Мы встали. Оказалось, что я ей всего по подбородок, поэтому переплетать руки было не совсем удобно. Зато после того как я приобнял ее тело для поцелуя, оно – это тело – оказалось очень податливым, хотя и весьма упругим.

Наш фуршетный поцелуй затянулся, и мы незаметно для себя оказались в горизонтальном положении на диване.

Такого большого и такого шикарного женского тела я еще не видел в своей юной жизни.

Поцелуи ее были страстны, объятия мощны и долги.

Я, исполняя обязанности соблазнителя все время боролся за свою жизнь, боясь быть задушенным моей гигантской Золушкой.

После того как она расслабилась, я еще хотел немного поползть по ней, как таракан по булке, но вдруг неожиданно почувствовал недомогание (может, от крепких объятий, может, от страстных поцелуев, а может, от выпитого коньяка). Я быстро сполз с Лизы и побежал, вихляя задом, в ванную.

Там меня вырвало.

«Нет, все же это не от коньяка, – решил я. – Скорее всего от перенапряжения. Все же удовлетворить женщину с такими объемами было не так-то просто. Но судя по тому, как безвольно и расслабленно лежала на диване Лиза, задачу честного соблазнителя я выполнил». Рассуждал я так, стоя на коленях и свесившись головой глубоко в унитаз. Сил не было даже подняться на ноги.

Вдруг кто-то погладил меня по голове.

– Бедненький. Тебе плохо?

– У-у-у-у... – промычал я.

Лиза обтерла мое бледное личико полотенцем и, подняв на руки, отнесла меня на диван.

Там она меня укрыла теплым одеялом! напоила чаем. Затем переделась в свой рабочий комбинезон и, спрятав свои шикарные солнечные волосы под берет, ушла.

Правда, предварительно она поцеловала меня в лобик и выпила на дорожку еще одну рюмку коньяка.

Я, пролежав еще где-то час, вылез из-под теплого одеяла уже совсем бодрым.

Горечь потери Зои Васильевны сменилась радостью от неожиданного свидания с Лизой из Горгаза. Я даже закружил от радости и легкости по комнате.

Убрал все со стола, я помчался в институт поделиться своей победой с приятелями.

Поделился.

И даже пообещал друзьям познакомить их с этой прекрасной женщиной.

Но...

Но прошел день, другой, и я забыл про Лизу.

И, может быть, никогда бы и не вспомнил, если бы не случай. Опять случай, который произошел со мной ровно через двадцать лет.

Не буду рассказывать, что я пережил за это время, так как думаю, моя никчемная жизнь вряд ли кому интересна.

Единственное, что может быть важно к моменту нашей второй встречи с Лизой из Горгаза, это то, что я так и не женился, детей у меня не было, высот особых в науке я не достиг, хотя когда-то вроде бы подавал надежды.

Одно время много пил, потом бросил, заработав предциррозное состояние печени и камни в почках. Похоронил маму и, помывавшись по городам и весям, въехал жить в родительскую квартиру, устроившись рядом в школе преподавать математику в классах среднего звена.

И вот сию я очередной раз на больничном дома, мучаясь извечным гамлетовским выбором – что принимать: лекарства или пол-литра, как в дверь, в которую никто, кроме меня, не входил уже где-то полгода, позвонили.

Я удивленно подошел к двери в своем старом банном засаленном халате и из чистого любопытства спросил:

– Что за идиот пришел ко мне в среду в полдень?

Но даже когда услышал за дверью гром кий голос: «Горгаз», сердце мое еще не дрогнуло. И даже когда дверь открывал, руки не задрожали. А вот когда увидел что это за «Горгаз», в горле у меня пересохло и руки задрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.